

Юкагирская литература

ТЭКИ ОДУЛОК

Тэки Одулок — Николай Иванович Спиридонов родился в 1906 году на берегу реки Ясачной, впадающей в Колыму.

Рано познавший тяжелый труд у чужих людей, он хорошо знал жизнь русских, якутов, чукчей. Когда белые были изгнаны из тундры, его направили на учебу в г. Якутск. После успешного окончания одногодичной советско-партийной школы был направлен на учебу в г. Ленинград.

Еще будучи студентом университета, Николай Спиридонов по заданию Комитета Севера при Президиуме ВЦИК в 1927 году был в командировке на Колыме и Чукотке. Он стал одним из организаторов Чукотского национального округа.

По итогам этой работы им были написаны этнографические очерки «На Крайнем Севере», в которых он повествует о жизни юкагиров и других народностей Севера.

В 1931 году Николай Спиридонов заканчивает этнографическое отделение Ленинградского университета и поступает в аспирантуру Института народов Севера. Через три года защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук.

Так, Тэки Одулок в 28 лет стал первым кандидатом наук из представителей народностей Севера, первым из северных писателей членом Союза писателей СССР, автором повести «Жизнь Имтеургина старшего». При жизни его повесть трижды переиздавалась в Ленинграде, затем была переведена на английский язык, издавалась во Франции, Чехословакии. В 1966 году была издана на якутском языке. Повесть получила высокую оценку А. М. Горького.

Умер Тэки Одулок в возрасте 32 лет.

ЖИЗНЬ ИМТЕУРГИНА СТАРШЕГО

(Отрывки из повести)

ЛУНА В РУБАХУ ОДЕЛАСЬ

Кругом снег лежит. По снегу Имтеургин ходит в штанах из оленьих камусов, в оленьей рубашке, в оленьей

шапке. Сторожит оленьё стадо. Олени копают снег копытами, щиплют мох. Большие рога над снегом качаются.

Имтеургин захотел сосчитать оленей. Он снял рукавицы и стал загибать пальцы. На одного оленя указал и загнул большой палец. Потом на второго указал и загнул другой палец. Все пальцы загнул. Но оленей в стаде было больше, чем пальцев у него на руках.

Имтеургин сел на снег, притянул к себе ногу в мохнатой обуви и пересчитал пальцы ног. Когда сосчитал пальцы на обеих ногах, он провел по снегу палкой и сказал: «Один человек». Но оленей было больше, чем пальцев на руках и на ногах у одного человека. Имтеургин опять сосчитал по пальцам рук и ног, опять провел палкой по снегу и сказал: «Два человека». Но и теперь еще не все олени были сосчитаны. Имтеургин провел палкой полосу, потом еще полосу, потом еще, потом короткую полосу, потом полосу поперек и сказал:

— Три человека, сверху один человек, еще полчеловека да еще лоб, два глаза и нос. Вот сколько у меня оленей.

В это время маленький пестрый олень лег и положил голову на снег. За ним согнул колени другой, тонкобрюхий и тоже улегся на снегу. Вот легли две молодые важенки и старый седогрудый олень. Имтеургин подбежал к ним, толкнул старого ногой в бок и сказал:

— Нельзя спать! Все замерзнете. Надо снег копать, мох надо есть.

Олени один за другим поднялись и нехотя, с трудом стали разбрасывать копытами снег.

Имтеургин обошел стадо вокруг, поковырял палкой лед под снегом и сказал:

— Крепкий лед. Как вы себе ногти не сломаете?

Сказал и сам испугался. Худое слово — как острое копьё, может на оленей беду навести. Имтеургин сел на землю и тоже начал копать снег.

Он разгребал снег руками и кричал:

— Я олень! Я вожак! Я снега не боюсь, обезножья-болезни¹ не боюсь. Вот какой я олень!

Потом посмотрел на оленей и громко сказал:

— Олени мои льда не боятся. У них ногти железные, рога — медные, глаза — огненные. Обезножье-болезнь их боится, близко не подходит, далеко бежит. Вот! Яккаем!

Он вытащил из-за пояса длинный нож, поднял его над головой и закричал еще громче:

— Убью! Забодаю! Волка заколю, обезножье зарежу, чесотке брюхо распорю! Вот! Лучше уходите, моих оленей не трогайте!

Потом сказал тихо, про себя:

— Теперь я всех духов прогнал.

Имтеургин вынул из-за ворота костяную трубку и закурил табак, для крепости смешанный с сушеным грибом-мухомором. Закашлялся. Плюнул. Посмотрел наверх, на небо — большой красный огонь увидал.

— Это верхние люди костры жгут,— сказал он.— Наверно, греются.

Затянулся табаком, пустил вверх поток дыма. Теперь наверху горел зеленый огонь.

— Как весенний лед,— сказал Имтеургин.— Наверное, те люди с красным огнем прочь укочевали.

Вдруг зеленый огонь быстро побежал по небу. Сделался рыжим, потом опять зеленоватым.

— Совсем как оленья печенка,— подумал Имтеургин и вдруг испугался. Наверное, по небу келе² бегают, разные рубахи надевают.

Когда последний огонь потух, на небо взобралась луна. Она осветила рога и копыта оленей.

— Хорошо,— сказал Имтеургин, вытащил изо рта трубку и спустил ее опять за ворот меховой рубахи.— Вот и брат солнца вышел, его боятся келе, спрятались. А куда спрятались? Наверное, на землю скатились.

Он оглянулся, посмотрел в одну сторону, посмотрел в другую. Нет никого. Кругом снег лежит. Далек кругом. Даже глаза не могут дойти до края. Луна в белый круг вошла.

— В рубаху оделась,— сказал Имтеургин.

И вдруг снег захрустел. Кто-то идет, легко ступает по снегу. Это сын, Кутувья, идет.

— Отец,— сказал Кутувья,— мясо близко ходит. Ылвылу!

Отец мотнул головой.

— Откуда идут?

— От Пул-озера.

— Гони туда стадо скорей! — сказал Имтеургин.

Они погнали стадо по тундре в другую сторону от дома.

Олени шли шагом, останавливались и рыли снег.

Потом опять шли и опять останавливались. Рядом с ними бежали по снегу их черные тени. Вдруг вожак вышел вперед, потянул носом воздух и поставил хвост торчком. Другие олени тоже подняли головы и вдруг быстро поскакали вперед.

Впереди стояли на снегу пять рослых диких оленей. Ноги у них были длинные и тонкие, шерсть светлая, а рога белые и острые. Дикая олень точит рога о деревьях, о камни, о лед.

Стадо обступило диких. Самый большой бык захрепел и низко нагнул черную рогатую голову. Самый крупный из диких тоже нагнул голову и уперся ногами в снег.

Тут Имтеургин неслышно подкрался к нему из-за оленей и накинул ему на рога чает — длинный плетеный аркан из оленьей кожи.

Олень заметался, рванулся в одну сторону, в другую и поскакал прямо на человека, который держал аркан. Худо бы пришлось Имтеургину: олень подбросил бы его вверх и втоптал бы в снег копытами.

Но сын Кутувья успел вовремя накинуть другой аркан и потянул оленя к себе. Олень встал на дыбы и опрокинулся на спину. Потом вскочил и бросился на Кутувью. Кутувья отступил назад, поскользнулся и повалился на снег под копыта оленя.

— Отец, тяни! — закричал Кутувья.

Имтеургин крепко обмотал руку арканом и дернул со всей силы. Голова оленя повернулась набок, а ноги заскользили по снегу. Имтеургин присел на корточки, выставил вперед одну ногу и еще сильнее натянул аркан. Олень так и поехал к нему задом. А Кутувья уже вскочил, отбежал подальше и тоже натянул свой аркан. Олень теперь стоял на месте, как привязанный, и только раскидывал снег задними ногами. А Имтеургин с Кутувьей медленно подбирались к нему, собирая арканы. И вдруг Имтеургин метнул оленю в бок копьё. Олень подскочил, забился и стал медленно валиться на землю. Он упал на бок, раной вверх и задергал ногами.

Оба человека подбежали к оленю и опустились на снег.

— Хорошо упал, — сказал Имтеургин. — Удача будет!

Он выдернул из оленьего бока копьё, опустил в рану пальцы и вытряхнул на снег несколько капель крови. Потом прижал губы к ране и начал пить свежую, еще жидкую кровь.

После него пил Кутувья.

Когда оба напились, они заткнули дыру пучком мха. Пускай кровь даром не льется. Потом оттащили убитого оленя подальше от стада и стали подкрадываться к другим. Четыре диких оленя все еще толкались в стаде, то обнюхиваясь с домашними, то сшибаясь с ними рогами.

Имтеургин и Кутувья снова спрятались за своими оленями и закинули арканы. Отец поймал оленя за рога, сын поймал за ноги. Уронили оленя, кольнули в сердце ножом.

Так убили всех четверых. На кочевых нартах повезли оленьи туши домой. А перед нартами погнажи стадо.

Из-под полы шатра вылезла рослая, черно-серая собака. Запрыгала вокруг нарт, стала обнюхивать мясо, слизывать с него кровь.

Подняв облезлую покрышу шатра, вышли, согнувшись, две женщины, одна постарше, другая помоложе, а за ними выскочила маленькая девочка.

Все вместе, мужчины и женщины, поволокли оленьи туши в шатер. В шатре было темно. Старшая женщина полезла в спальный полог³, в самый дальний и низкий конец шатра, и вынесла оттуда светильню⁴, деревянную чашку, полную оленьего жира, из которого торчал горящий пучок мха. Светильню поставили на опрокинутый котел и стали обдирать оленей. Мужчины сняли шкуру, а женщины разрезали кости и мясо. Они резали по суставам, чтобы не рубить кости.

Потом все принялись за еду. Печенки поели, крови попили, ножные кости раскололи, мозг съели.

— Хорошо,— сказал Имтеургин и засмеялся. Все лицо у него было в крови, только зубы были белые.

— Ваырган-дух⁵ мясо дал. Жирное. Поешь, Ваырган-дух!

Отец положил в светильню кусочек мозга. Потом из-за ворота рубахи достал ольховый сучок, раздвоенный с одного конца.

Это и был Ваырган.

У Ваыргана было две ноги, как у человека, а рук и головы не было.

— Жена, покорми его!

Ваыргана помазали сверху жиром, потом кровью и подержали над огнем. Потом Имтеургин обвязал его ремешком и опустил обратно к себе за ворот. Сказал:

— Спи. У меня на брюхе тепло теперь.

Люди разделись и вошли в полог. Улеглись спать.

Только Кутувья не лег. Он опять взял аркан, копьё, надел на ноги короткие лыжи и ушел караулить стадо. Всю ночь караулил. Когда луна зашла и небо стало серое, Кутувья вернулся домой. Руки у него тряслись.

— Волки,— сказал он.— Вокруг нас волки ходят, на оленей смотрят. Худо!

— Худо, сказал отец.— Убить их надо. Иди скорее. Запряги быка.

Имтеургин надел меховую рубаху, штаны и ременный пояс с ножом. Взял копьё, палку, покурил и вышел. У шатра уже топтался беговой олень, запряженный в легкую нарту.

Имтеургин сел на нарту и замахнулся прутом. Олень вытянул шею и поскакал. От копыт его в снегу оставались редкие глубокие ямы. На поворотах рядом с оленьими следами тянулись следы ног Имтеургина.

Вдруг олень замотал рогами и захрапел.

Далеко впереди на белом снегу показались два темных бугорка. Имтеургин привстал на нарте.

Два волка бежали по снежному насту след в след, поджав хвосты. Они оглядывались, ерошили шерсть и коротко, глухо рычали.

Имтеургин погнал оленя на волков, но перепуганный олень метался из стороны в сторону. Имтеургин закричал, собрал в руке вожжи и хлестнул оленя по уху.

Олень так и понесся наперерез волкам. Свистнул аркан. Петля щелкнула у заднего волка на голове. Волк нагнулся, лягнул зубами и прыгнул в сторону. Но петля крепко затянулась у него на шее и потащила его за нартой. Другой волк поднял спину дугой и поскакал прочь.

Имтеургин остановил оленя и собрал аркан. Пощупал волка — мертвый. Голова во все стороны вертится. Имтеургин подержал волчью голову в руках и на всякий случай стукнул по лбу палкой: верно, мертвый. Тогда Имтеургин взвалил волка на нарту и погнал оленя вперед — за другим волком. Но олень только рот раскрыл и закашлялся. Устал, видно. Домой хочет.

— Ну, иди домой,— сказал Имтеургин.— Ночь отдохни, а завтра опять поедем. Арканом не поймали,— уткучины⁶ поставим.

На другой день утром, когда посерело небо, опять собрался Имтеургин на охоту.

Поехал не торопясь.

Едет и видит на снегу следы. Это кто-то маленький ходил,— снег, будто пальцем, ковырял. Прошел зверек немного, помочился и дальше пошел. Опять помочился.

— Песец,— сказал охотник, остановил оленя и пощупал след — мягкий. Пощупал желтый снег — мокрый еще, не замерз.

Имтеургин вскочил на нарту и погнал оленя.

Вот он, маленький зверек — песец. Белый весь, на снегу еле виден, а хвост как полено тащится. Имтеургин хотел его стукнуть палкой, но промахнулся. Песец быстро побежал назад. Имтеургин повернул оленя и опять погнался за юрким зверьком. Песец только зубы показал и нырнул в снег.

Имтеургин посмотрел кругом — нет песца нигде. И вдруг три черных точки из снега показались: два глаза и нос. Выскочил песец из сугроба, вытянулся весь и как стрела полетел в тундру.

— Га-ка-ка! — закричал охотник со злостью и бросил шапку в снег, потом поднял шапку и пошел назад к оленю.

Нет оленя. Убежал и олень.

— Рассердился Ваырган,— сказал охотник,— песца не дал и оленя угнал.

Имтеургин пошел домой, проваливаясь по колено в сугробы. Трудно ходить без лыж по рыхлому снегу. Жарко стало Имтеургину. Он зачерпнул горсть снега, пожевал, вытер снегом лицо. А все еще жарко,— мех к телу пристаёт, колет, кусается. Имтеургин снял пояс и повесил его через плечо. Под рубаху пробрался холодок,— легче стало.

Так шел Имтеургин долго-долго. Луна взошла и спустилась, а он все шел.

— Хоть песца не принес, зато сам до дому добрался,— сказал Имтеургин, увидев свой шатер. Он залез в полог, стащил с себя заледеневшую одежду и улегся на шкуру. Проспал до другой луны. А когда проснулся, спросил:

— Пришел олень с пустой нартой?

— Сразу пришел, как ты уехал,— сказала жена.

— Это хорошо, сегодня опять поеду — уткучин ставить.

Олень за ночь отдохнул. Он ходил с другими оленями, покачивал темными рогами и щипал мох. Имтеургин поймал его арканом и потрепал за мягкое ухо.

— Теперь не уйдешь, — сказал он.

Олень замотал головой.

— Собаку надо взять, — сказал Имтеургин жене. — В тот раз хорошего песца упустил. Сшей собаке лолок-выт⁷, а то она замерзнет.

Жена взяла шкуру выпоротка⁸ и стала прошивать ее толстой иглой. Пока охотник докуривал трубку, женщина кончила шить. Она позвала собаку. Собака была большая, похожая на волка. На брюхе у нее вылезла серая шерсть и краснели шишками соски. Скоро она должна была принести щенят.

Женщина надела собаке меховой набрюшник и стянула его на спине ремешками. Собака пошла по снегу, раскачиваясь и хромая. Охотник поднял ее, посадил рядом с собой на нарту и привязал, чтобы не вывалилась.

Олень быстро побежал по твердому убою. Луна стояла немного выше верхушки шатра.

— Светло сегодня, облаков нет, — сказал охотник, оборачиваясь к собаке. — Хорошо следы увидим.

Собака сидела, крепко упираясь передними ногами в нарту и дышала Имтеургину в затылок.

Возле первой ловушки охотник остановил оленя.

Пружина ловушки, скрученная из оленьих сухожилий, ослабла. Песцы съели все наживки и ушли. У другой ловушки костяные зубцы были выпачканы кровью, а зверя тоже не было. Охотник посмотрел на следы: большие, волчьи. Зубцы ударили, видно, волка по голове. Волк стал кружиться — и все в одну сторону.

«Наверно, ему правый глаз вышибло, потому он все вправо вертелся», — подумал Имтеургин. Поехал по следу.

Вот здесь волк прыгнул в сторону, вот он побежал вперед, вернулся и опять завертелся на месте. Имтеургин запутался в следах.

Вдруг собака рванулась и залаяла, а олень дернулся в сторону. Имтеургин посмотрел кругом — что-то темное на снегу вертится.

Он крикнул и погнался.

Темное побежало быстрее. Волк. Нешибко бежит, голову криво держит, все вбок сворачивает. Вот уже он совсем близко скачет, пугается в ногах у взбесившегося от страха оленя. Олень его передней ногой стукнул, опрокинул. Прямо по волку нарта проехала, втащила его в снег.

Посмотрел Имтеургин назад, а волк все шевелится.

Второй раз проехала нарта по волку, опять придавила. Имтеургин его еще палкой по голове ударил. Задрыгал волк ногами, вытянулся. Охотник поднял его и взвалил на нарту. Собака сначала отодвинулась, зарычала, а потом вцепилась волку в мохнатое ухо.

Поехали домой. На сугробах нарту встряхивало и качало. Мертвый волк болтался из стороны в сторону и мел хвостом и лапами снег.

Вдруг Имтеургин остановил оленя и наклонился над свежим следом.

— Только что пробежал,— сказал Имтеургин. Он схватил собаку и сбросил ее с нарты. Собака поскакала по снегу, но подвязанный под брюхо лолоквыт мешал ей бежать, и она ткнулась носом в сугроб. А из сугроба выскочил песец, длиннохвостый, мохнатый. Песец прижался к земле и вдруг прыгнул на нарту. Имтеургин не успел протянуть руку, как песец вскочил к нему на плечо и вцепился зубами в ворот рубахи.

Охотник закричал, схватил песца за хвост и оторвал от ворота. Но песец изогнулся и впился в руку охотника. Острые клычки застряли в толстой меховой рукавице.

— Бешеный,— сказал Имтеургин и ударил песца о край нарты. Песец оторвался от рукавицы и полетел в снег. Но на лету его поймала собака и разом придушила.

— Погоди, шкуру не рви,— сказал Имтеургин.— За такого зверя нам новый чайник дадут.

Он отнял песца у собаки и положил его на нарту рядом с волком. Потом опять привязал собаку, сел сам и поехал домой.

По тундре легкими тучками летал снег. Луна в круг вошла, белый крест надела.

— В рубаху оделась,— сказал охотник,— значит, метель будет. Хорошо, что дом уже близко. Вот мои олени ходят, а вот мой сын Кутувья стоит.

И будто в ответ на его слова послышался шорох снега, а потом свист.

ЧУЖОЙ ДОМ

Имтеургин лежал с края, у жесткой от иinea стенки полога и холод пробрал его раньше всех. Он хотел отодвинуться от стенки и вдруг громко закричал:

— Пусти! Кто меня за волосы держит?

Все проснулись, кроме детей. Женщины так испугались, что не могли пошевелиться.

Кутувья тихо спросил:

— Кого ты убиваешь, отец? Может, помочь тебе?

— Нет, у меня голова примерзла к стенке,— сказал Имтеургин и застонал.

Кутувья и Кух нащупали в темноте голову Имтеургина и стали вдвоем отдирать его длинные волосы от полога. Имтеургин кряхтел от боли.

— Тихо лежи,— сказала ему Кух,— сына разбудишь.

Он замолчал, потряс головой, потрогал ее руками.

— Волосы совсем маленькие стали,— сказал он.

Потом потрогал себя за уши и сказал:

— Уши тоже, верно, отморозил. Кутувья, ты слышишь ветер? Мои уши теперь ничего не слышат.

Кутувья прислушался, но в это время громко запищал ребенок.

— Ага! — обрадовался Имтеургин,— у меня уши согрелись. Я слышу, как ребенок плачет.

— Верно, плачет,— сказал Кутувья.— Оба уха мне криком заткнул, даже ветра наверху не слышно.

Все притихли и прислушались: ничего не было слышно кругом, только ребенок плакал.

— Не плачь! — сказал Имтеургин.— Слушай тоже!

Опять все притихли, опять слушают. Ничего не слышно, только ребенок кричит.

Имтеургин пошарил рукой по шкуре. Нащупал ребенка и закрыл ему рот ладонью.

— Теперь слушайте! — сказал он.

Ребенок забил по шкуре ногами.

— Ноги ему придави,— сказал Кутувья,— он ногами шумит, слушать не дает.

Имтеургин придержал ладонью ноги ребенка. Но тут проснулась Тынатваль и тоже громко заплакала.

— У, какие больщеротые! — сказал Имтеургин и снял руки с ребенка.— Выйдем, Кутувья.

Имтеургин вместе с сыном выползли из полога и повертели головой направо и налево. Тихо было в шатре.

Кух сунула ребенку грудь, а Рультаина прижала к себе Тынатваль, чтобы не мешали слушать, и тоже высунулась в шатер.

— Шумит? — спросили они у мужчин тихо.

— Нет, не шумит,— сказал Имтеургин.— Конец ветру! Жить будем!

Женщины выскочили в холодный шатер с детьми на руках и запрыгали.

— Конец ветру! Мясо будет! Жить будем!

— Отец, — закричала Тынатваль, — мне печенку принеси, мозгу принеси — есть хочу!

— Принесу, — сказал Имтеургин. — Вот оленей пригоним, тогда и печенка будет, и мозг будет, все будет.

Он приподнял полу шатра, и, разгребая мохнатыми рукавицами снег, стал выкапываться наружу. Вылез на тундру. Темно и тихо кругом. Имтеургин глотнул свежего воздуха, зашатался и упал в снег.

Вслед за ним выполз из шатра Кутувья.

— Отец! Где ты? — закричал он.

Отец не отвечал. Кутувья испугался, повертел головою во все стороны, нагнулся, чтобы рассмотреть следы. Но ничего не было видно.

— Кутувья! — раздался вдруг голос откуда-то снизу.

Кутувья стал шарить руками по снегу.

— Отец! Где ты?

— Тут я! А ты где?

Кутувья побежал на голос, но вдруг наткнулся на кого-то и упал.

— Кто тут лежит? — закричал Кутувья.

— Это я, — сказал Имтеургин.

Он протянул Кутувье руку и помог ему выбраться из сугроба.

— Как ты потерялся? — спросил Кутувья.

— Вот как это было, — сказал Имтеургин. — Я вышел из шатра и стал сильно дышать. Вдруг снег зашатался и я тоже. Наверно, это келе землю трясли.

Имтеургин с Кутувьей встали и потоптались на месте, чтоб узнать, глубокий ли снег.

— Мы не потеряемся? — спросил Кутувья. — Темно — я даже свои ног не вижу.

Имтеургин ничего ему не ответил, только стал разматывать длинный аркан. Один конец он привязал к своему поясу, другой дал сыну.

— Привяжись!

Кутувья обмотал вокруг себя конец аркана. Они обе попробовали, крепко ли завязано и вместе пошли от шатра по снежным гребням.

— А как же мы оленей найдем? — спросил Кутувья.

— Походим, — ответил отец, — может, они где-то близко.

— Худо идти, отец. Темно. Может, подождем света, — тогда искать будем?

Нет, все равно искать надо. Пока сила есть, надо искать. Может, найдем.

Много раз они останавливались, много раз ложились на снег отдыхать и старались услышать пощелкивание оленьих копыт и хруст снега.

Но тихо было в тундре, только снег скрипел под ногами и шуршало дыханье на морозе.

— Куда же ушли олени? — сказал Имтеургин. — Пока дул ветер, они лежали, а после ветра им надо мох есть. Они голодные.

— Отец! — сказал вдруг Кутувья. — Собака кричит!

— Где?

Имтеургин шапку снял, чтобы не мешала слушать.

— Верно, — сказал он. — Собака кричит. Человек, должно быть, живет. Чужой.

— Может, пойдем? — спросил Кутувья.

— Не знаю, — ответил Имтеургин, — какой он человек. Не так далеко от нас остановился, а к нам не зашел. Должно быть, худо про нас думал. Как мы пойдем к нему?

— Может, мы у него про оленей спросим, — сказал Кутувья.

Имтеургин помолчал, прислушался, помял ногами снег и сказал:

— Давай, пойдем.

В это время в небе поднялся белый столб огня. Вспыхнул и пропал. Потом небо загорелось со всех сторон красными, синими, зелеными огнями. Огни гонялись друг за другом, смешивались, пропадали, опять появлялись и разгорались сильнее. Снег тоже играл разными цветами и будто шевелился.

Имтеургин и Кутувья зажмурились. Глаза у них отвыкли от света.

Потом они огляделись вокруг и увидели на том месте, где лежала зеленая полоса совета, высокий бугор.

— Это их шатер, — его, видно, тоже снегом занесло, — сказал Имтеургин. Отец с сыном обошли вокруг бугра, потоптались на месте, еще раз обошли. Кутувья, чуть слышно ступая, взобрался на верхушку и прислушался: внизу лаяла собака.

— Как войдем? — спросил Кутувья.

— Копать надо, — сказал отец.

Он лег на брюхо и стал рыть руками снег. Скоро он выкопал глубокую яму и полез в нее головой вперед.

Кутувья стоял и смотрел, как отец закапывался в снег. Вот пропали в снегу голова и руки, вот провалились плечи. Вот уже остались одни ноги в сапогах из черных оленьих камусов. Потом и ноги уползли. Отец весь ушел в снег.

Вдруг ноги опять показались наружу. Имтеургин пятился назад. Он был весь белый, — голова, руки, лицо — все облеплено снегом.

— Отчего назад вылез, отец? — спросил Кутувья.

Имтеургин потряс головою и смахнул рукавицами с лица снег. Потом сказал:

— Не туда попал. Вот здесь рыть надо.

Он два раза шагнул и топнул ногой на том месте, где нужно было рыть.

Кутувья лег на брюхо и стал выгребать мягкий снег. Скоро он вырыл большую дыру и нырнул в нее головою вперед. За ним следом полез и отец. Под снегом Кутувья нащупал затвердевшую кожаную полу шатра и стал дергать ее изо всех сил. Пола приподнялась и они оба на четвереньках вползли в темный шатер.

В пологу заворчала собака. Отец и сын прижались к стенке. Вдруг рука Имтеургина нащупала висевшую на стене связку когтей, зубов и перьев.

Имтеургин схватил сына за рукав и шепнул:

— Наша связка. Почему она в чужой дом пришла?

Кутувья прижался к отцу и сказал:

— И мои старые штаны здесь висят!

Тут из полога вышел какой-то человек. Под ногами у него тихонько захрустела мерзлая кожа.

Наверно, человек стал набивать снегом чайник. Он стучал крышкой, шуршал снегом.

— Какие люди тут шатром живут? — спросил Имтеургин.

— Это мы живем, — сказал женский голос.

Имтеургин толкнул Кутувью в бок и сказал шепотом:

— Как будто это Рультаина, голос у нее такой же тонкий.

— Нет, — сказал Кутувья тоже шепотом, — моя жена дома осталась. Это келе.

— Оленей нашли? — спросила женщина.

— Ищем, — ответил Имтеургин. — Около нашего шатра их нет. Может, вы видали?

— Мы еще из дому не выходили, — сказала женщина. — Как нам их увидеть?

— Пойдем отсюда, отец, — прошептал Кутувья и стал пятиться к выходу.

— Пойдем, — сказал Имтеургин.

— Куда идете? — спросила женщина и схватила Кутувью за руку.

— Пусти! — закричал Кутувья.

В это время из полога выбежал кто-то и закричал:

— Отец, печенку принес?

Имтеургин засмеялся и сказал:

— Завтра принесу. А теперь нам погреться надо.

Пойдем в полог, Кутувья. Это наш дом.

Кутувья стал медленно стаскивать через голову меховую рубаху.

— Отец, — тихо спросил он из-под рубахи, — как мы сюда пришли? Ведь мы уже далеко от дома были.

— Наверно, дом за нами пришел, — сказал отец и залез в полог.

Он тихонько улегся на меховой постели, чтобы не разбудить Кух и ребенка. А когда рядом с ним лег Кутувья, он наклонился к его уху и сказал шепотом:

— Завтра посмотрим. Может, наш дом там остался.

КОЧЕВЬЕ

Утром женщины разобрали шатер. Свернули его и уложили на нарту. На другие нарты стали укладывать полог, постель, посуду, мороженые куски мяса, разную домашнюю утварь.

Когда все было уложено, на нарты уселись люди и двинулись в путь.

Имтеургин-отец поехал впереди всех на легкой нарте. Он сидел на ней верхом и правил ногами — то правой, то левой. Следом ехал Каравья, тоже на легкой нарте, а за ним бежали на лыжах Кутувья и Тыллим и гнали перед собой стадо оленей.

За мужчинами на широких грузных нартах тащились женщины. На одной — Кух. Она сидела на сложенном и перетянутом ремнями шатре.

К этой нарте была привязана другая, такая же широкая, и на ней, обложенные большими мешками и закутанные в шкуры, сидели Тынатваль и Теу.

Потом ехала жена Каравья, а сзади всех Рультаина. Ее нарту тащили два нестрых оленя.

На том месте, где еще сегодня утром стояли шатры, теперь видны были только две черные ямы, а вокруг истоптанный людьми, изрытый оленями, сероватый снег.

Кое-где остались клочья бурой оленьей шерсти, обглоданные добела кости и орешки черного оленьего помета.

Как только люди немного отъехали, к ямам прилетел ворон. Он покружил над ними, каркнул и, растопырив крылья, опустился на землю. Постоял на одном месте. Прыгнул несколько раз по снегу. Потом перелетел на самый край ямы и стал клевать обглоданную людьми оленью кость.

Целый день в тундре визжали полозья нарт и щелкали оленьи копыта. От дыханья оленей по обе стороны каравана собирался густой сероватый туман. Большим пушистым хвостом тянулся он назад, оседал и падал на землю изморозью.

Тынатваль, свесившись с края нарты, плевала на снег и смотрела, как ее слюна ледяными шариками откатывается назад.

Воротник у нее покрылся крупным инеем и стал колоть ей шею и щеки. Она хотела стряхнуть иней, но не могла пошевелить рукой. Широкие рукава меховой одежды были крепко-накрепко привязаны к нарте. Тынатваль приподняла плечи, выдернула одну руку из рукава и быстро счистила со своего воротника затвердевший иней.

Потом она сложила руки и засунула их подмышки, а пустые рукава так и остались привязанными к нарте.

Рядом с Тынатваль лежал обмотанный ремнями маленький Имтеургин. Он был закутан в ту самую меховую одежду, в которую его засунули, когда он родился. Мех изнутри был мокрый, а теперь в пути он затвердел на морозе и обхватил ребенка колючей, обжигающей тело ледяной коркой. Ребенок сначала плакал, а потом стал хрипеть. Тогда Куж отковырнула ножом от замороженной оленьей туши кусок печени, пожевала его и сунула сыну в рот.

Маленький Имтеургин сразу замолчал.

Долго ехали люди по тундре.

Ехали до тех пор, пока олени не начали тяжело дышать и кашлять.

Имтеургин-отец остановил переднюю нарту, а за ним остановилось все кочевье.

Люди сошли с нарт на неровный, расцарапанный ветром снег и посмотрели вверх.

Белое небо упало за тот край тундры, и открылось другое небо, в светлых дырках, будто пробитое стрелами.

— Это свет от третьего неба виден, — сказал Имтеургин, указывая на светлые дырки.

— Наверно, там, на третьем небе, тепло, — сказал Тыллим и потер свою обмороженную правую щеку о плечо.

— Да, — сказал Имтеургин, — где светло, там и тепло. Должно быть, там теперь лето.

Мужчины распрягли оленей, а женщины вытоптали в снегу яму и над ямой поставили шатер. Внутри шатра натянули спальный полог и настлали на снег оленьи шкуры.

Тут только Кух отвязала детей и внесла их в полог. Она быстро разделась сама и хотела было раздеть сына, но обледеневшая мохнатая одежда примерзла мехом к его коже. Кух стала потихоньку отдирать мех от тела мальчика. Маленький Имтеургин не шевелился и не кричал и мать думала, что ему не больно.

— Ешь, — сказала она и поднесла его к груди, но он замотал головой.

Кух встряхнула его и ткнула ему в рот палец, но рот был крепко сжат, а из угла торчал мерзлый кусочек печени. Мальчик тяжело дышал носом. Мать хотела выковырнуть ледяшку у него изо рта, но печенка крепко примерзла к губам и к языку. Тогда Кух просунула ребенку в рот свой язык, отогрела обледенелую печенку и выкинула ее прочь.

Мальчик дернулся, всхлипнул и заревел.

В это время жена Каравьи и Рутьтына внесли в полог две зажженные светильни и повесили над ними чайник и котел, набитые доверху снегом.

Кух поднесла ребенка к свету и вскрикнула: вся кожа на его спине была ободрана и сочилась кровью.

— Смотрите, у Теу спина полосатая стала, — сказала Тынатваль.

Кух позвала собаку и поднесла ребенка к самой ее морде. Собака стала осторожно слизывать кровь с его ободранной спины.

Маленький Имтеургин кричал и дрыгал ногами, а мать гладила собаку по спине и говорила:

— Хорошо зализывай, новую кожу делай, крепкую, как твоя кожа, сделай.

Собака облизала ребенка всего — вдоль и поперек, от затылка до пяток — и отошла прочь.

Тогда мать взяла из светильни кусок оленьего сала, пожевала его и, выплюнув на ладонь, стала растирать теплым жиром раны ребенка.

Между тем в пологу собрались все мужчины. Они наелись мяса и улеглись спать. А женщины сели вокруг светильника и принялись чинить одежду и обувь. Кух зашила дыру в сапогах мужа. Потом она взяла его меховые чулки, вывернула наизнанку и повесила сушиться на ремень, протянутый от одного края полога до другого. Чулки были тяжелые от пота и сильно пахли. Кух отодвинула их подальше от спящих людей.

— Сильно пахнут, — сказала она женщинам. — А все-таки одежда Теу еще сильнее пахнет. Сын наверное будет крепче отца. Ловкий охотник будет — это хорошо.

А сын ворочался в это время под оленьей шкурой и сопел. Он был такой горячий, что Тынатваль поднялась и сказала матери:

— Возьми брата, от него очень жарко. Он толкается и спать не дает.

Кух положила ребенка подальше от Тынатваль и сама легла между ними.

Имтеургин-отец проснулся еще до рассвета и растолкал остальных. Каравья поднялся сам, а Кутувью и Тыллима пришлось поднять силой и посадить к огню, чтобы они проснулись.

— Как медведи оба, — сказал Каравья, — всю зиму проспят, если их не будить. Молодые еще.

Но Кутувья и Тыллим уже потягивались и протирали глаза. Скоро все мужчины выползли из полога в холодный шатер. Там они сняли с ремней меховую одежду, стряхнули с нее иней и натянули на голое тело. От одежды стало еще холоднее. Все четверо выскочили из шатра и пустились бегом ловить оленей.

Света было еще мало, и только привычный глаз мог разглядеть в тундре большое серое пятно.

Это были олени, сбившиеся от холода в кучу. Пар от дыхания стоял у них над головами туманом.

Мужчины переловили оленей и снова запрягли в нарты. На месте стоянки их ждали уже закутанные в шкуры женщины и дети. Шатер был свернут и лежал на снегу.

Обе семьи уселись на нарты по-старому, впереди всех поехал Имтеургин, а сзади Рультына на пестрых оленях. Только маленького Имтеургина на этот раз мать положила на свою нарту, а Тынатваль поехала одна.

По дороге ей стало скучно. Она оглянулась назад и зачмокала губами. Вся белая от снега, вынырнула из сугроба собака и с разбегу вскочила к ней на нарту.

ПРАЗДНИК В ТУНДРЕ

Эрмечинины пастухи отбили от хозяйского оленьего стада десять крупных быков и пригнали к шатрам. Здесь люди стойбища стали ловить быков арканами.

Олени храпели и бегали от шатра к шатру, бросались из стороны в сторону, выбивая копытами снежные комья.

Вдруг большой черный олень уткнулся носом в снег и наставил на людей острия рогов. Люди расступились.

— Большой Рог! — закричал Имтеургин и побежал к нему навстречу.

Олень круто повернул рога, которые торчали и вверх, и вниз, и в стороны.

Но Имтеургин не испугался. Он подошел к оленю сбоку и пощекотал его за ухом.

Большой Рог фыркнул и медленно опустил рога на спину.

— Хватай его, пока он смирный! — закричали люди вокруг.

Олень скосил на них красные глаза и опять опрокинул рога вниз.

— Не бойся, Большой,— сказал Имтеургин и погладил оленя по шее.— Я не дам тебя чужим резать.

— Хватай! — опять закричали люди, и вдруг свистнула длинная веревка. Это ременный аркан опутал кривые рога оленя. Олень встал на дыбы и, взмахнув передними ногами, опрокинулся на спину.

— Мой олень! Я не дам его резать!

Имтеургин выхватил из ножен нож и ударил по аркану.

Аркан распался надвое, а Имтеургин с ножом в руке бросился на Тырки, который все еще держал в руках обрезок аркана.

Тырки замахал руками и пустился бежать.

Бежал он по снегу большими скачками и все оглядывался.

За ним гнался теперь не один Имтеургин. С разных сторон бежали Кутувья, Каравья, Тыллим.

Тырки доскакал до черного шатра и нырнул под пушистую полу Эрмечина дома.

Там перед горячими светильнями хозяева и приезжие гости пили чай. Не успел Тырки спрятаться за спиной у Эрмечина, как в шатер ворвались Имтеургин, Каравья, Кутувья, Тыллим и парни со стойбища.

Перепрыгнув через горящие светильни, поймали они Тырки и повалили его прямо на расставленные на полу чашки с чаем, на посуду с олениной и мосталыгой.

— Мей! — закричал Эрмечин. Он швырнул на землю свое блюдо с чаем и вскочил на ноги. Осколки раскрашенного блюда и брызги чая так и разлетелись пылью во все стороны.

— Мей! — закричал еще громче Эрмечин.

Приезжие гости тоже побросали свои чашки и прижались к стенкам шатра. Одна светильня перевернулась и погасла, в другой — огонь закачался как под ветром.

Длинноволосый гость что-то быстро забормотал и вытянул из-под ног Кутувьи полу своей широкой одежды.

— Ты зачем моих оленей режешь? — крикнул Имтеургин, размахивая ножом у самого лица Эрмечина.

— Я не знал, что это твой, — сказал Эрмечин, отводя руки Имтеургина. — Они сами по тундре ходили, без пастуха ходили. Я бы не взял, так волки бы их съели.

— Сам ты волк! Моих оленей все знают. Отдай моих оленей назад!

Эрмечин покашлял и сказал:

— Я не волк. Бери из моего табуна столько оленей, сколько у тебя пропало.

Возьму, — сказал Имтеургин. — Кутувья, Тыллим, пойдем в табун!

Он хотел было повернуться к выходу, но его удержал Эрмечин.

— В моем шатре большой праздник, — сказал он, — у меня хорошие гости, — ты тоже будь моим хорошим гостем.

Имтеургин посмотрел на своих и сказал:

— Сами идите, домой идите, а я потом приду.

Высокая краснолицая женщина с тугими черными косами вышла из полога. Она поправила огонь, подобрала с земли осколки, разостлала на большой доске шкуру нерпы и поставила на нее новую посуду.

Приезжие гости опять уселись вокруг чайника. Имтеургина Эрмечин усадил рядом с собой и стал угощать жирным мясом. Купец посмотрел на Имтеургина, усмехаясь, достал из ящика полную бутылку и налил в чашку царской воды.

Первым опрокинул чашку длинноволосый. Он пил, откинув голову назад и закатив глаза. А когда выпил, кинул в рот кусочек оленины, пожевал и вздохнул.

После него пил рыжий гость. Он выпятил губы и, приложив к ним чашку, стал тянуть маленькими глотками. Человек с красными заплатами на плечах широко открыл рот, вылил в него все, что было в чашке и крепко зажмурился.

Потом чашка дошла до Имтеургина. Он понюхал водку, покосился на рыжего и отставил чашку в сторону.

— Пей! — сказал Эрмечин. — Хорошая вода крепкая, сам русский царь ее пьет.

Имтеургин не брал чашки.

— Пей! — сказал еще раз Эрмечин. — Ты у меня гость, я тебе оленей отдаю.

Имтеургин выпил и долго после этого сидел с раскрытым ртом.

А гости и Эрмечин хватали мясо, совали его в рот большими кусками, о чем-то говорили и смеялись.

— Эрмечин! — вдруг крикнул Тырки, приподняв шкуру у входа в шатер. — Иди быков колоть.

Эрмечин поднялся. Он потянул за рукав Имтеургина, и они вдвоем вышли из шатра. Недалеко на снегу топтались олени.

Олени стояли в два ряда — головой к голове. У каждого оленя рога были опутаны и прикручены арканом к рогам другого оленя. Возле оленей вертелся маленький человек в черной росомашьей шкуре.

К Имтеургину подбежал Кутувья.

— Отец, это наши олени! — сказал он. — Вот наш Красный Глаз, вот Пестрая Лапа, а вот Кривой Хвост — все тут наши.

Но Имтеургин не слушал сына. Он схватил за плечо маленького человека в росомашьей шкуре и крикнул:

— Мей, шаман, коли оленей!

Шаман высвободил руку из-под шкуры и подошел к оленям.

Он повернулся лицом к восходу солнца, присел на корточки и зашептал что-то.

Потом пощупал у оленя жир за ухом, пощупал хребет, опять что-то пробормотал и всадил оленю в бок длинный костяной нож.

Так одного за другим заколол он всех оленей, связанных рогами вместе.

Тут из шатров вышли женщины с ножами и котлами.

ЧУЖОЙ ОГОНЬ

Ехал Имтеургин целый день. Остановился только вечером, когда не стало видно кустов и деревьев, попадавшихся в пути.

Тогда он распряг оленей и привязал их на длинный ремень. Олени стали копать снег и есть курчавый белый мох. А Имтеургин крепче натянул на голову шапку, вырыл в снегу яму и залез в нее.

В снегу было теплее, чем наверху. Имтеургин немного поспал. Потом у него заоченели от холода руки и ноги. Он выбрался из ямы и начал скакать на месте. Он скакал то на одной ноге, то на другой. Скакал как заяц, держа ноги вместе, и как лось, выбрасывая одну ногу за другой.

А когда немного согрелся, опять закопался в снег. Поджав под себя ноги, просидел в снегу до тех пор, пока не наступило утро. С рассветом он опять запряг оленей и опять тронулся в путь.

Дорога шла между засыпанными снегом кустами, в обход глубоких сугробов и редких деревьев.

После второй и третьей ночевки без огня в снегу, Имтеургин совсем заоченел.

Его одежда покрылась тяжелой коркой льда. Шапка, воротник и грудь меховой рубахи обросли колючим инеем. Иней всем густел, тяжелел и расползлся по одежде вверх и вниз белыми пятнами.

Рукавицы, меховые чулки и рубаха затвердели и царапали тело.

Имтеургин попробовал соскочить с нарты, хотел пробежаться по снегу, но ноги не гнулись в коленях. Он прошел несколько шагов и опять повалился на нарту.

Лежа, он стал колотить руками и ногами о края нарты, но пальцы на руках и ногах стали такие твердые, что он даже не чувствовал боли.

Имтеургин притих. Полежал, не двигаясь. Потом поднял голову и осмотрелся кругом.

По всей тундре бело — нигде ни шатра, ни дыма.

Земля будто уходит покатою вверх и там становится небом.

— Верно, замерзну,— подумал Имтеургин.— Верно, так и не найду людей.

Вдруг олени подняли головы, захрапели и понеслись.

— Волки, должно быть,— подумал Имтеургин,— тут Брюхатое озеро, тут людей нет, а волков много.

Но олени выбежали на истоптанный снег.

Имтеургин протер глаза, сорвал с ресниц льдинки и увидел дым.

Олени побежали быстрее. Они остановились у черного шатра из пушистых оленьих шкур. Рядом на спаренных нартах стоял зеленый шатер. От одного шатра к другому ходила толстая серая собака с черным загривком.

— Это Эрмечиновы шатры,— сказал Имтеургин своим оленям,— я к Эрмечину не заеду.

Он дернул поводья, хлестнул оленей ремнем и проехал мимо.

Скоро исчезли следы людей и следы оленей. Имтеургин выехал на нетоптанный снег.

— Кто теперь рядом с Эрмечином живет? — подумал он.— Может, Тавринват. К Тавринвату тоже не заеду.

Мороз еще сильнее прохватил Имтеургина. На бровях и ресницах повисли тяжелые льдинки.

И вдруг опять запахло дымом.

Имтеургин крикнул на своих оленей и снова погнал их на дым.

Черный шатер на снегу. Рядом с ним зеленый шатер. Оба теплом дымятся. Серая собака с черным загривком от шатра к шатру бегают.

— Назад вернулись, дохлые! — закричал Имтеургин на оленей.— Отдыхать хотите? К Эрмечину меня пригнали!

Он хотел повернуть оленей обратно, но олени не послушались. Они стали кашлять и копать снег.

Имтеургин слез с нарты и бросил поводья на землю.

— Ну, отдохайте,— сказал он оленям.— Я только руки у чужого огня погрею, иней с рубахи стряхну. А потом и дальше поедем.

У входа в черный шатер на Имтеургина набросилась собака. Имтеургин отшвырнул ее и вошел в шатер.

Высокая женщина с тугими черными косами, жена Эрмечина, стянула с Имтеургина шапку, сапоги и руба-

ху, сбила палкой приставший к одежде лод и повесила все это сушить. Потом подала гостю чай и вареное мясо.

Горячий чай разошелся по всему телу Имтеургина. Руки и ноги у него стали слабые, и он, не доев мяса, свалился и захрапел.

Проснулся только на другой день.

В переднем углу шатра сидел Эрмечин. В руке он держал ножную оленью кость, стучал по ней ножом, раскалывал и ел мозг.

— Йэтти! Пришел? — сказал Эрмечин, протягивая Имтеургину кость.

— Ы! — сказал Имтеургин, — пришел!

Он взял кость и, разламывая ее ножом, стал есть жирный мозг.

Женщина подала им горячую еду. Они съели по два оленьих языка, по большому куску грудины. Потом женщина налила им чай. Они выпили много чашек чаю, а перед каждой чашкой ели мороженую печенку.

После еды хозяин и гость закурили.

— Хорошо кочуешь? — спросил Эрмечин.

— Худо кочую, — сказал Имтеургин, — не стало удачи.

Эрмечин покачал головой и затынулся табачным дымом, потом спросил:

— Может, оленей надо?

— Ы, оленей надо.

Эрмечин и Имтеургин выкурили еще по трубке.

— Давай, вместе кочевать будем, — сказал Эрмечин.

Имтеургин не ответил, только крепче прикусил трубку.

Эрмечин взял его за локоть и сказал:

— Соседями будем. Ты хороший пастух.

— Ы-ы! — сказал Имтеургин и встал.

Он вышел из шатра и пошел искать своих оленей.

Они были близко, в Эрмечиновом табуне. Всех четырех можно было сразу узнать: они были самые тощие среди оленей — ребра у них так и выпирали из-под кожи, бока почти сошлись, спины согнулись горбом. А один олень, самый слабый, лежал на снегу и только покачивал рогами.

Имтеургин посмотрел на него и пошел назад в шатер.

— Хорошо, — сказал он Эрмечину. — Будем соседями. Только за моим шатром съездить надо.

— Вместе поедем, — сказал Эрмечин. — Самых быстрых оленей запрягу.

После отъезда Имтеургина женщины доели остатки мяса и оленьих потрохов.

— Никогда еще так худо не было,— говорила Кух. — Прежде у нас двое мужчин было, а теперь ни одного нет.

— Твой еще вернется,— говорила Рультайна.— А мой далеко живет, худые люди его убили, Эрмечинины гости.

Рультына плакала и вытирала мохнатым рукавом щеки.

Когда вся еда у женщин кончилась, они два дня совсем ничего не ели. То и дело выходили они на тундру и, положив на снег голову, слушали, не стучат ли оленьи копыта. Копыта не стучали. Женщины возвращались в шатер, разводили посредине шатра огонь и гадали на оленьей кости, скоро ли вернется Имтеургин и что привезет.

Они держали высушенную оленью лопатку над огнем и, наклонившись к ней, шептали:

— Лопатка-лопатка, ты далеко ходила, много видела, много знаешь, скажи нам: в какую сторону старик наш едет и что у него на нарте лежит? Если он в нашу сторону едет, расколись наверху. Если в ту сторону едет, расколись внизу. Если грузная у него нарта, пусть большая трещина будет. А худое с ним случилось, поперек расколись.

Лопатка чернела и трескалась от жары. Женщины разглядывали каждую трещину и говорили шепотом:

— Худое с ним случилось — поперек трещина пошла.

— А, может, он чужие следы пересек?

— Может, и пересек следы, но только это худые следы. Долго наш старик не вернется. Надо самим еду искать.

На третий день Кух разрежала кожу, на которой раскладывали еду, опалила на огне и бросила в котелок.

Когда вода в котелке вскипела, Кух перелила варево в чашку и сказала:

— Давай вот это есть. Все-таки живы будем.

Женщины стали хлебать горький отвар, от которого пахло паленой кожей.

— Надо сына покормить,— сказала Кух,— а ты покорми собаку.

Рультына зачерпнула большой костяной ложкой черную похлебку и дала собаке. Собака стала жадно ласкать, разбрызгивая варево, а ребенок вертел головой,

захлебывался и выплевывал склизкие кусочки вареной кожи. Кух кормила его изо рта в рот.

Два дня семья питалась этой похлебкой. А когда съели всю до капли, женщины засыпали уголья костра золой, положили ребенка на шкуры, привязали рядом с ним собаку и пошли на тундру. Они шли, проваливаясь по колено в снег. У Кух из-за пояса торчал топор, а Рультына держала в руке нож.

Женщины подошли к дереву, стукнули в него топором и сразу отскочили. С дерева посыпался снег — сначала тяжелыми комьями, а потом густой пылью.

Когда пыль улеглась, Кух и Рультына снова подошли к дереву и стали сдирать с него сухую кору.

— Есть! — вдруг закричала Рультына и осторожно сняла с лоскута коры замерзшего белого червяка с маленькой черной головкой.

Женщины разломали червяка пополам и тут же съели.

Потом стали искать еще червей. Когда они ободрали дерево догола, они пошли к другому дереву, потом к третьему, потом к четвертому. Домой вернулись только вечером, когда уже нельзя было разглядеть на коре белых червей.

У шатра они остановились и стали отряхиваться.

Потом прислушались. Ребенок не плачет. Тихо в шатре.

— Я ничего не слышу, — сказала Кух, — послушай ты. Может, плачет ребенок.

— Нет, не плачет, — сказала Рультына. — Может, все еще спит.

— А может, его собака съела?

Женщины ворвались в шатер и подняли стенку полога. Рядом с маленьким Имтеургином на постели лежала собака. Ребенок сжимал губами один из ее сосков и громко чмокал. Кух бросилась к сыну и оторвала его от собаки.

Маленький Имтеургин запищал и задрогал ногами. Отталкиваясь от матери, он тянулся к собаке.

Кух сунула ему в рот свою грудь, но мальчик откинулся и еще громче закричал.

— Грудь совсем пустая, — сказала Кух и положила мальчика обратно к собаке.

Весь вечер женщины сидели у костра, варили червей и ели мутный отвар. Ребенок спал рядом с собакой.

На другой день Кух и Рультына опять пошли на тундру. Недалеко от дома увидели они звериные следы.

Женщины пошли по следам и добрались до норки. Стали копать снег. Поймали мышку. Обрадовались.

Рультына ударила мышку рукояткой ножа по голове и спрятала ее у себя за пазухой. А Кух разгребла снег и стала рубить топором мерзлую землю и обледневший мох. На дне норки она нашла кучку кореньев, грибов и ягод.

— Это мышкин дом,— сказала Кух,— мышки всегда кладут себе на зиму еду. Это их еда.

— Хорошая еда,— сказала Рультына, растирая зубами мороженые коренья.— Толстый корень мы старику оставим, а маленькому ягодки принесем. Тут брусника есть и морошка, и голубика.

— Ы-ы!,— сказала Кух,— ты хорошее говоришь, старику самый большой корень оставим.

Когда женщины вернулись домой, они увидели у шатра несколько пар больших жирных оленей, запряженных в широкие новые нарты.

Видно было, что олени только что прискакали: они жадно глотали снег, и ноги у них еще тряслись.

— Это не наши олени,— сказала Кух.— Чужие приехали. Может, про старика знают?

— Вареным мясом пахнет,— сказала Рультына. Они вошли в шатер.

В шатре горел большой огонь, а у огня сидели Имтеургин и Эрмечин. Они курили трубки и смотрели на котелок, в котором варилась оленина.

— Мы давно сидим, вас ждем,— сказал Имтеургин женщинам.— Давайте есть мясо.

За едой никто ничего не говорил. Женщины жевали мясо, закрыв глаза, и глотали медленно по маленькому кусочку.

— Очень голодные,— сказал Имтеургин.

Когда котелок стал совсем пустой, Имтеургин поднялся и сказал жене:

— Собирай шатер.

— А куда поедем? — спросила Кух.

— К Эрмечину.

Кух и Рультына посмотрели на Имтеургина, потом на Эрмечина и стали молча сворачивать постель. Потом Кух подошла к ребенку и разбудила его.

— Вставай,— сказала она.— Мы сейчас далеко поедем. У чужих жить будем.

С этого дня Имтеургин стал пастухом Эрмечинова

стада. Он поставил свой шатер позади хозяйских шатров и своих оленей отпустил в хозяйский табун.

К себе в шатер он теперь приходил мало — стадо давно объело и вытоптало весь мох на стойбище и паслось теперь далеко в тундре, где под рыхлым снегом еще был нетронутый мох.

Имтеургин и днем и ночью сторожил стадо.

А в шатре у него оставались только Кух с маленьким Имтеургином и собака.

Рультыны с ними не было. Рультына стала второй женой Эрмечина.

Кух качала на руках ребенка и говорила ему:

— Мы с тобой одни теперь живем. Прежде нас много было, и олени у нас свои были. Большой человек твой отец был. Первый охотник. А теперь твой отец чужое стадо пасет. Твоя сестра Тынатваль у соседа Каравьи живет. Брата Кутувью Эрмечиновы гости убили. А Рультына в большом шатре живет, Эрмечиновы обутки сушит. Кайлекым минкри — что поделаешь!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Обезножье, или копытица, оленья болезнь. У пораженного копытицей оленя ноги по самым краям копыт распухают, а потом на ногах появляются гнойные раны. Олень уже не может ходить, у него отваливаются копыта и он вскоре умирает.

Кроме копытицы, в тундре распространены и другие болезни оленей: чесотка, когда вся кожа покрывается болячками, костоед, туберкулез, бешенство, сибирская язва. Достаточно заболеть оленю, как уже заражаются все олени, которые его окружают. Поэтому погибают иногда целые стада в несколько сот, а то и в тысячи голов оленей.

² Келе — злые духи. По предположению чуков, келе населяют небо и землю. Они враждебны людям, причиняют им всякие беды и болезни. Келе являются человеку в образе чудовищ, великанов, различных животных, в виде предметов и т. д. Келе питаются человеческими душами — увириками. В теле каждого человека живет несколько увириков. Келе охотятся на увириков, убивают их и едят.

³ Спальный полог — по-чукотски «йоронга» — шьется из оленьих шкур. С виду он похож на большой опрокинутый ящик. Его устанавливают внутри шатра.

При входе в полог люди снимают с себя верхнюю меховую одежду и оставляют ее в холодном шатре, чтобы мех в тепле не отсырел. В отсыревшей одежде уже нельзя выйти на мороз: она сразу же замерзнет.

Полог сыреет от дыхания и от испарения человеческих тел и покрывается инеем. Тогда надо его снять и выколотить (его выколачивают почти каждый день). Иначе полог обледенеет и жить в нем станет невозможно.

⁴ Светильня — по-чукотски «сек» — это деревянная или глиняная чашка, наполненная оленьим салом или нерпичьим жиром. Вместо фитиля в ней горит пучок сухого мха.

СЕМЕН КУРИЛОВ

Известный юкагирский писатель Семен Николаевич Курилов родился в 1935 году в Олеринском наслеге Нижнеколымского района. Отец его, охотник и оленевод, хорошо владел тайной слова, люди любили его слушать. Видимо, неспроста из шестерых его детей трое стали писателями.

Семен Курилов с 12 лет стал работать пастухом-олленеводом, затем был киномехаником, радистом, завклубом, корреспондентом газет. Он бережно относился к устному творчеству своего народа, его сказаниям и поверьям, собирал и изучал их. Его романы «Ханидо и Халерха», а затем «Новые люди» стали явлением в многонациональной советской литературе, произведениями, о которых много говорили, писали, спорили.

Трагична судьба северной народности — юкагиров. О ней задумывается герой дилогии Куриль — голова юкагирского рода. Он понимает бедственное положение своего народа, но «корень зла» видит только в шаманах. В романах даны впечатляющие портреты шаманов, для каждого из них писатель сумел найти особые краски.

Противоречия и конфликты, отраженные в романе «Новые люди», порождены периодом обращения юкагиров и соседних народностей в христианство, православную религию. Писатель сумел показать разнообразие характеров, их сложные взаимоотношения.

Правдивым и колоритным отображением современных человеческих судеб и характеров привлекает повесть С. Курилова «Увидимся в тундре». Убедительно показаны в романе новые хозяева «белого безмолвия».

С. Н. Курилов остается одной из ярких звезд на небосклоне литератур народностей Севера. Ему присуждена республиканская премия им. П. А. Ойунского. Герои его живут на сцене драматического театра наравне с героями Н. Гоголя, Ч. Айтматова П. Ойунского.

Умер в 1980 году.

Г. СЫРОМЯТНИКОВ.

УВИДИМСЯ В ТУНДРЕ

(Отрывок из повести)

Еще с утра на южной стороне неба появилась иссиня-лиловая туча. Она неторопливо росла, лохматилась по краям и кое-где на горизонте соединялась с землей прямыми полосами — там шел дождь. К полудню туча закрыла солнце, в тундре стало сумеречно, скучно. С юга подул теплый ветер. И тут полил дождь — первый в этом году, он пришел, как предвестник близкого лета. Сначала падали редкие, слабые капельки, потом они сделались крупнее, чаще; текли по лицу, по шее; даже олени поднялись на ноги.

Маленькие телята, которые видели такое впервые в жизни, с любопытством принюхивались к запаху дождя, вздрагивая всякий раз, когда капли попадали на ноздри. Некоторые опасливо глядели на вскакивающие в лужах пузыри. А опытные важенки, которым дождь был не в новинку, зажмурились, невозмутимо жевали жвачки. Только когда густая шерсть промокла насквозь и отяжелела, важенки полегли на сырую землю.

Эдуард поживался от струек, затекавших за воротник и щекотавших спину.

«Дурак, не послушался матери, не надел дождевик», — подумал он.

Холодно не было. Под армейской гимнастеркой Эдуард носил солдатский ватник, а гимнастерку туго подпоясывал широким солдатским ремнем с блестящей пряжкой, которого он каждый день чистил золой. Этот ремень он берег. Гимнастерка порвется, износится, а ремень — верный друг на много лет, такой же прочный, как память о службе в армии. Шапка-ушанка, спитая из шкуры олененка, намочила до последней шерстинки, стала тяжелой, будто прижимала голову к плечам. И только резиновые сапоги с длинными голенищами по-прежнему были легкими и сухими внутри.

Что-то мутное мелькнуло справа. Эдуард повернул голову: песец осторожно пробирался мимо стада, видно лакомился последами отела — их сейчас много валялось на пастбище. В эти дни шел массовый отел. Вот и сейчас одна важенька легла на бок, тяжело дыша. Эдуард зорко следил за ней — не надо ли помочь. Но все обошлось и без него. Родился черный теленок, хотя мать была серая. Важенька встала и принялась облизывать теленка, а он в это время встряхивал мокрыми ушами. Тщательно

вылизав теленка, важенка легла рядом с ним. Теленок потыкался мордочкой, нашел вымя и с видимым усилием начал сосать.

Дождь перестал, ушел на север. Уже вечерело. Тусклый диск солнца спускался за тучи, лишь изредка на мгновение появляясь в просветах.

Эдуард взбежал на небольшую сопку. После дождя тундра стала совсем другой. Вся она была ровного темно-серого цвета. И только редкие пятна снега лежали еще кое-где в ложбинках у подножий холмов.

Эдуард оглядел стадо. Оно медленно передвигалось по пастбищу. Задние олени подтягивались к передним, которые паслись уже на новом месте. Эдуард засмеялся, уж очень забавны были новорожденные телята. Еле держась на длинных ногах, они все же упорно пытались идти за матерью. Но, сделав два-три неверных шага, падали на землю грудью и лежали так, пока мать-важенка не прибегала назад. Важенка, подбежав к лежащему теленку, ходила вокруг него, бесконечно мыча. Тогда теленок, словно понимая ее уговоры, с трудом поднимался, делал еще два-три шага и снова падал. И снова мать-важенка мычала, и теленок, наконец, вставал, а мать подставляла ему вымя. И когда теленок начинал сосать, важенка тихонько переступала и так, шаг за шагом, вела за собой своего малыша.

Вдруг Эдуард почувствовал усталость. Пора бы уже Егору сменить его. Эдуард огляделся и в самом деле издалека увидел Егора. Удивительно только, что тот шел совсем не со стороны дома, а с восточной стороны, где пасется восьмое стадо. К тому же Егор шел не один, еще какие-то двое шагали рядом с ним. Когда подошли поближе, Эдуард узнал одного: это был заместитель директора совхоза Бережнев, а второго он никогда не видел.

— Здорово, Эдуард! — крикнул Егор. — Оленей считаешь? Много отелилось сегодня?

— Двадцать одна, — ответил Эдуард и посмотрел на незнакомого человека.

— Знакомься, — представил Бережнев. — Это секретарь райкома, товарищ Седых.

— Николай Сидорович, — протягивая руку, сказал секретарь райкома. — Смотрели восточное стадо, сейчас в наслег возвращаемся, решили зайти за вами. Надо поговорить. Вы уже свободны?

— Сейчас, только стадо передам, — ответил Эдуард и повернулся к Егору. — Значит, двадцать одна отели-

лась. Один слабый теленок есть. Вон стоит его мать,— и показал на серую важенку в середине стада.— Ты смотри за ними. А так все в порядке. Возьми книгу.

Эдуард вытащил из-за пазухи толстую книгу и протянул Егору.

— Что за книга? — заинтересовался секретарь райкома.

— Это писателя Олдриджа книга — «Герои пустынных горизонтов».

— Понравилась?

— Книга понравилась, а человек этот, Гордон, немного понравился, больше не понравился. Я так понял, он английских империалистов ненавидел, а как арабам правильно помочь не знал. Он больше назад глядел, а не вперед.

Секретарь райкома ничего не ответил Эдуарду. Повернулся к Бережному и сказал:

— Верно вы наметили кандидатуру. Вполне согласен с вашей оценкой. Ну, пошли.

— Иди, иди,— кивнул Егор Эдуарду,— выпишься по-своему.

— Это как же, по-своему? — спросил Бережнов.

Егор охотно пустился в объяснения.

— Эдуард такой человек: долго может не спать, зато и спит потом по-медвежьи долго. А я такой, что успеваю вздремнуть, пока олени бегут против ветра, спасаясь от овода.

Шли не спеша, стараясь ступать по кочкам: весенняя вода предательски прикрывала скользкий лед, ступишь неосторожно — выкупаешься. Кому это приятно? Потому и молчали. Только когда поднялись на высокий холм, с которого была видна Большая Олера — на километры протянувшееся озеро,— секретарь райкома Николай Сидорович заговорил с Эдуардом.

— Много нашли перемен, когда вернулись домой после армии? Вы в Чите служили?

— В Чите. Еще бы немного перемен! Когда уходил, колхоз у нас был, а приехал через три года — все оленеводы рабочие совхоза. Паспорта у всех, как в городе. Пастухи-оленеводы зарплату получают. Отец говорит — министерская зарплата. Газеты всегда свежие, от силы недельной давности. Совсем хорошо кокагиры стали жить.

— А надо бы еще лучше,— сказал секретарь райкома.— К концу семилетки на месте вашего наслега большой поселок вырастет. Электростанция своя будет. По-

стоянное кино, не передвижка. Механизацию, где только можем, внедрим.

— Механизация — это хорошо, — подхватил Эдуард. — Раньше, когда стада летом угоняли далеко, к берегам Восточно-Сибирского моря, у оленеводов продуктов не хватало. Кончится сахар, кончится мука, за ними не съездишь. А трактор всюду пройдет, да и самолету туда-сюда слетать, продукты забросить, все равно, что оводу с одного оленя в стаде на другого перелететь.

— Люди нужны к механизации, товарищ Третьяков. Вот об этом я и хотел с вами поговорить. Поедете на год на курсы механизаторов? При Омском сельскохозяйственном институте курсы.

— Поеду, — сказал Эдуард, раньше чем успел подумать.

— Вот и хорошо, — обрадовался секретарь райкома. — Только поспешить вам придется, не позже послезавтрашнего утра выехать надо. В Андриюшкине в сельсовете документы оформите. А оттуда, я думаю, почтовым вертолетом до райцентра добраться можно будет.

Эдуард помрачнел. Что-то мать скажет, всего полгода дома побыл и опять уезжает. И почему курсы в Омске, лучше бы в Чите.

* * *

Эдуард вошел в свой тордох. Отец спал. Мать ждала, сидела, задумавшись, у железной печки. Увидела сына, бесшумно засуетилась. Подкинула сухих щепок в печку; суп согрела, хлеб нарезала. Лампу зажигать не стала, да это было ни к чему — свет весенней ночи проникал через окна в косом потолке палатки.

Пока Эдуард ел, мать неотрывно смотрела на него. Потом налила в фарфоровую кружку чай и, лукаво улыбнувшись, стала рыться в ящике с книгами Эдуарда, как он говорил — в тундровой этажерке.

— На, Таро, — назвала она его далеким детским именем.

Эдуард взял конверт, глянул на штамп — из Читы! Он осторожно надорвал конверт, оттуда выпала карточка. Глаза у матери блеснули любопытством, но она вежливо отвернулась. Эдуард и сам не стал смотреть на карточку. Оставив кружку с недопитым чаем, он вышел из палатки. То ли в палатке света было недостаточно, то ли хотелось остаться с письмом наедине. Ведь письмо — тот же разговор, а разве станешь говорить о душевном при ком-нибудь, даже при матери.

В наслеге было тихо. Только собаки приезжих, привязанные поодаль от палаток, увидев Эдуарда, зашлись хриплым лаем. Присев на нарты, Эдуард стал всматриваться в фотографию. Изменилась Таня. Причесывается по-другому... А может, не изменилась, только так на карточке кажется. Потом развернул письмо. Волнуясь, просмотрел сначала до конца и понял одно — приезжает! У них на зоотехническом отделении было распределение. Она сама попросилась к ним в тундру. Теперь, узнав самое главное, Эдуард стал читать медленно — слово за словом, отмечая все то ласковое, что тайлось за словами.

Мать выглянула из палатки.

— Иди спать, Таро, сынок. Скоро солнце поднимется.

И старуха начала обходный маневр.

— Там вроде карточка была?

— Была, была. Есть карточка, мама. Вот смотри.

Мать впилась в фотографию придирчивым взглядом.

— Беленькая, — вздохнула она, — совсем на юкагирку не похожа. Что же будет, Таро, ты здесь, она там... Какой толк? Я, старая, внуков хочу.

— Так она приезжает, мама. Поженемся мы.

Мать снова вздохнула.

— Образованная! Ты у меня тоже не темный. Но тебе тундра — своя, ей — чужая. Соскучится, нам обидно будет.

— Она ведь работать сюда едет. Зачем скучать.

— Если скажут: русская девушка полетела жить на Луну — я поверю, она храбрая, русская девушка. А что бы за оленевода замуж пошла, с ним по тундре кочевала, — не верится.

— Я тебе сейчас объясню, — медленно проговорил Эдуард. — Это правда, если надо, Таня и на Луну бы полетела. Чтобы такие дела совершать, надо не только храбрым, надо умным быть. А умный и в тундре не соскучится. На целину девушки едут, не скучают. Слыхала про целину? Это край, где выращивают мучную траву.

И старуха понемногу успокаивалась. Кивала головой, заглядывая в счастливое лицо сына. Потом засмеялась:

— Ты ей передвижной дом построй. Чтоб трактор его по тундре таскал, а то ей в тордохе не хорошо будет.

— Скоро всем, мама, дома построят. И ты в тордохе жить не будешь.

За письмом, за разговором с матерью Эдуард совсем забыл о предложении секретаря райкома. И только когда

лег, что-то в груди слева будто стукнуло и остановилось. Таня приезжает, а он... Что же он сделал! Зачем дал согласие?

Но усталость сморила его и он заснул. Только заснул в тревоге.

И встал в тревоге. И пока мать готовила завтрак, все томился, не знал, что решить. Так и не решил и матери с отцом ничего не сказал, а секретарь райкома пришел. Вошел, поздоровался и сразу о деле.

— Как, товарищ Третьяков, успеете за сегодняшний день стадо передать? Отел кончается, комиссия приедет стадо пересчитывать. Подготовьте там все с напарником.

Мать насторожилась. Отец бросил чистить ружье, но головы не поднял — двое мужчин о деле разговаривают, третьему не надо вмешиваться.

— Я, Николай Спиридонович, не знаю, то ли ехать, то ли не ехать. Мать огорчается, давно ли я из армии пришел...

Секретарь райкома повернулся к родителям.

— Разве вы не хотите, чтоб сын на год учиться поехал?

— Почему не хотим? — удивился отец. — Мужчине так и положено ездить большие дела делать. Пусть едет. Дочка и то дома не живет. В Андриюшкине, в интернате живет. В восьмой класс ходит.

А мать, зная о сыне больше, чем отец, сказала:

— Ох, сынок, не мое ты сердце бережешь. А что ты ночью говорил: на Луну полететь не только храбрым, надо умным быть. Ты сейчас говоришь, не как храбрый, и не как умный. А тебе это обязательно нужно. Ведь, тот, другой человек, и храбрый и умный.

Из четырех, находившихся в тордохе, только сын и мать понимали, о чем идет разговор. Двое других могли лишь догадываться. И по глазам Николая Спиридоновича можно было понять, что догадки верные. Он что-то хотел сказать, но Эдуард твердо проговорил:

* * *

— Еду.

В тот день на берегу Большой Олеры было шумно. Все жители стойбища пришли провожать Эдуарда. Старый Умукан сутился около собачьих упряжек. Путь предстоял тяжелый: снег сошел, ехать нужно по черной земле. Поэтому в обе нарты запрягли по двенадцати собак. Нарты расковали, сняли с них железные подполозья. На нартах уже привязаны чемодан и мешок. В чемодан

мать уложила сорочки, майки, ботинки, черный костюм, галстук. Хотела дать меховое одеяло, да сын не взял. А мешок набила вареным и вяленым оленьим мясом — выбрала лучшие куски, мягкие, жирные.

Хорошо все совпало. У учеников младших классов занятия кончались. За ними ехать в Андрюшкино, забрать из интерната вызвался старый Умукан — ему к главному врачу, очки менять — старые слабы стали.

Провожали долго. Народу много, каждому хотелось свое слово сказать. Только собаки, которым надоело стоять в упряжке, то и дело поднимали неистовый лай, рвались вперед, сбивая алыки. Умукан укрощал их ударами кулака, и они слушались его, затихали.

Эдуард беспомощно смотрел на мать. Она все плакала и плакала. Отец тронул ее за плечо, попытался шуткой успокоить. Кивнул головой на весенние ручьи, что звеня, сбегали по склонам в Олеру.

— Смотри, старая, от твоих слез уже ручьи побежали, скоро реками станут. Побереги слезы на мою смерть. А то нечем плакать будет.

Мать заплакала еще пуще.

— Только мне этого не хватало, чтоб ты раньше меня умер! — приговаривала она. — Вот умру я, похорони меня, а там — как хочешь.

Старый Умукан пожалел мать.

— Зачем сына отпускаешь? Еще не уехал. Еще не поздно.

И тут мать накинулась на Умукана.

— Ты свою жизнь за оленьим хвостиком проходил. Ничего больше не видал. А он молодой, ему дорога впереди большая лежит. Ты что хочешь, чтобы и он всегда за олений рог держался. Не будет этого!

Она решительно вытерла глаза и закурила длинную трубку.

Теперь и в самом деле настала пора расставанья. Сперва Эдуарда обнял отец, расцеловал по обычаю — в лоб, потом в подбородок, в правую щеку, в левую щеку. А мать, не по обычаю, крепко обняла, зашептала в ухо:

— Сынок, пусть твоя приезжает. Мой рот по-юкагирски говорит, ее по-русски, а сердце на одном языке у нас говорить будет — оба тебя любим.

Умукан крикнул, собаки рванули построжки. Вслед уезжающим летели прощальные слова — юкагирские, якутские, чукотские, русские.